

О РАННИХ АРМЕНИЗМАХ В КУРДСКОМ

Г. С. АСАТЯН

1. Общеизвестен факт, что хотя отдельные случаи появления курдов на территории Армении наблюдались уже с X—XI вв., массовая их миграция в южные, а затем и в северные районы Армении началась намного позже—с первой половины XVI в. Процесс переселения курдских племен из различных областей Северной Месопотамии в Западную Армению был обусловлен, в частности, политикой султанского правительства, направленной на создание антисефевидского плацдарма на восточных границах Османской империи и возглавлявшейся на первых порах эмиссаром турецкого султана Муллою Идрисом¹. Н. Адонц пишет: «Курды не жили в Армении с незапамятных времен, они были переселены туда турецкими властями. Турки завладели Арменией после Чалдыранской битвы в 1514 г., победив войска персидского шаха Исмаила... Персы и турки продолжали бороться за Армению, по границы под конец остались те же, что и теперь. Мулла Идрис, курд из Битлиса, который как житель страны был хорошо знаком с местными условиями, принимал активное участие в военных действиях султана Селима. Как и следовало ожидать, Мулла Идрис поддерживал интересы вождей курдских племен.

Когда персидские шахи добивались успеха в их борьбе за Армению,—продолжает Н. Адонц,—они разгоняли курдских беев. Турецкие же султаны проводили противоположную политику: они уступали страну главарям курдских племен»². Так была заложена основа политики заселения Западной Армении (восток нынешней Турции) курдскими племенами.

2. Армянские источники вплоть до XVI—XVII вв., за исключением отдельных упоминаний (в связи с разного рода нашествиями), встречающихся главным образом в колофонах к армянским рукописям, ничего о курдах не сообщают³. Что же касается литературы на курдском языке, то следует отметить, что дошедшая до нас самая ранняя литература, состоящая в большинстве своем из поэтических произведений, относится в основном к XVI—XVII вв.⁴ Нарративных источников на курдском языке почти нет.

¹ См., в частности, V. Minorsky. Kurds.—In: Encyclopaedia of Islam. Vol. II° 1927, p. 1142; В. Никитин. Курды. М., 1963, с. 277.

² N. Adoncz. Kurdish Intrusion into Armenia.—The New Armenia. Vol. XIV, 1, Jan.—Feb., 1922, p. 5. О распространении курдов в Армении см. в общем *Լ. Կ. Ար-Վեր. Կ. 2, Երևան, 1967, էջ 635—641*; также М. Мокри. Contribution Scientifique aux études Iraniennes. Paris, 1970, pp. 103—104.

³ Ср., напр.: *Լ. Ս. Խաչիկյան. ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի շրջանակարաններ. Ճանձ առաջին (1401—1450 թթ.), Երևան, 1955. Ճանձ երկրորդ (1451—1480 թթ.), Երևան, 1958.—1425 (5), 1435 (3), 1446 (1), 1459 (2), 1474 (3) и т. д.; см. также А. К. Sanjlian. Colophons of Armenian Manuscripts (1301—1480). Cambridge, Mass., 1965.*

⁴ См. D. N. Mackenzie. Malā-ê Jizrî and Faqî Tayran.—In: Yād-nāme-ye Irānī-ye Minorsky. Tehran, 1969, p. 129; J. Nebez. Die Schriftsprache der Kurden.—In:

3. Исторические контакты народов, как правило, находят отражение в языковых свидетельствах различных типов: лексические заимствования, перестройка фонетической системы, моделирование иноязычных грамматических форм (чаще всего синтаксических конструкций), и т. п.

Армяно-курдские взаимоотношения наложили определенный отпечаток на языки обоих народов. В армянские диалекты, граничащие с курдскими, проникло значительное количество курдских лексических элементов, составляющих, однако, периферийный фонд лексики этих диалектов⁵. В литературном же армянском языке (восточном и западном) курдских заимствований не отмечается.

Большой интерес представляют армянские заимствования в курдском. В ходе работы над исторической лексикологией курдского языка (диалект курманджи) нами выявлено большое количество армянских заимствований в этом языке. Количество арменизмов в курманджи, конечно, не сравнить с многочисленными персидскими, арабскими и турецкими элементами, встречающимися во всех диалектах курдского языка, но в отличие от последних, связанных по большей части с мусульманской традицией, ученостью, государственным аппаратом и т. п., арменизмы относятся к той части основной лексики курдского языка, которая отражает оседлый быт, домашний обиход, хозяйственную деятельность, земледелие, животноводство и т. п.⁶ Обилие арменизмов в лексике, обозначающей важнейшие элементы материальной культуры, свидетельствует о сильном влиянии местного армянского населения на

Monumentum H. S. Nyberg. II. Leiden, 1975, S. 98. Древнейшим зафиксированным образцом курдской речи (на диалекте курманджи) можно считать, по-видимому, отрывок молитвы „Святой боже“, записанный армянскими буквами и дошедший до нас в рукописи № 7117 Матенадарана им. Маштоца (л. 144б). Рукопись датируется временем между 1430 и 1446 гг. и переписана, вероятно, с более раннего списка. См. Հ. Աճառյան. Հայոց գրերը. Երևան, 1984, էջ 879—880; см. также V. Minorsky. Le plus ancien texte en kurde.—Bulletin mensuel du Centre d'études kurdes. 10 (Paris, 1950), p. 8—10; D. N. Mackenzie. „The Language of the Medians“.—BSOAS, XII, p. 354—355; Հ. Ջիզրի. Մերոսյան գրերը և քուրդ ժողովրդի կուլտուրան.—ՀՄՄՀ ԳԱ «Տեղեկագիր» (հաս. դիս.), 1962, № 6, էջ 67. Следующими по возрасту после произведений Малае Джизри и Факи Тайрана (о них см. D. N. Mackenzie. Mala-ê Jizri, p. 125—129) являются отрывки текстов, приведенных турецким путешественником XVII в. Э. Челеби в его „Книге путешествий“. Эти отрывки были найдены в старейшей рукописи (автографе?) Челеби, переведены и прокомментированы голландским исследователем М. Ван Бройнессеном: M. van Bruinessen. The Kurds and Their Language in the Seventeenth Century: Evliya Çelebi's Notes on Kurdish Dialects (рукопись). Приношу благодарность автору, любезно приславшему мне машинопись своей работы. О так называемом „Сулейманийском пергаменте VII в.“ см. D. N. Mackenzie. Pseudoprotokurdica.—BSOAS, XXVI, pt. 1 (1963), p. 170—173.

⁵ Исследованию курдских заимствований в армянских диалектах я надеюсь в дальнейшем посвятить специальную работу.

⁶ Другое мнение см. F. Justi. Kurdische Grammatik. SPb., 1880, S. XIX. О заимствованных элементах в курдском в целом см. E. Wilhelm. La langue des Kurdes.—Le Museon. Louvain, 1883, t. II, p. 433, а также Г. С. Асатрян. К вопросу об армянских лексических заимствованиях в курдском.—В кн.: Третья Всесоюзная школа молодых востоковедов. Том II, часть 2. Языковедение. М., 1984, с. 124—127.

культуру пришлых курдов⁷. И все же основной корпус арменизмов в курманджи относится к довольно позднему времени⁸.

Ранние контакты предполагают наличие ранних заимствований. При этом чем интенсивнее контакты, тем больше может быть заимствований.

Акад. Р. Ачарян указывал в свое время на курдское слово *xwalī*, *xōl* «земля, прах» как на заимствование из армянского *hoi* тж., относящееся ко времени ранее XI в., когда сонант *h* еще не перешел в звонкий фрикативный *ɣ*⁹. Предположение Р. Ачаряна, однако, сомнительно, поскольку указанное слово имеет общеранский характер; оно встречается во многих иранских диалектах в значении «зола, копоть, земля»: ср. перс. *xval* «колоть», гурани (кандулаи) *xul*, *hul*¹⁰, лурн *xōl* «земля, зола»¹¹, заза *wal* «зола»¹² < *xwal. Приведенные формы восходят, по видимому, к др.-иран. *hwarda < и. е. **suordo*¹³.

⁷ Довольно сильное армянское влияние наблюдается и в заза—северо-западном иранском языке, распространенном в Дерсима и прилегающих областях среди населения, исповедующего особую форму крайнего шиизма. Заза—название (первоначально, видимо, пейоративное), данное им соседями из-за сибилитности их речи. Самоназвание у них *dīmīl/dīmīla*, арм. *dīmīk/dīmīk* < *daylam* (Ф. К. Андреас), точнее—из адъективной формы *dēlmīk. О месте заза в системе иранских языков см. W. B. Henning. *The Ancient Language of Azerbaijan*.—TPHS, 1954 (published 1955), p. 175. Армянское влияние особенно заметно в лексике, ср. *aksig* «женщина»—арм. *ač'ik*; *xīnt* «сумасшедший»—арм. *xent'*, диал. *xīnt'* (К. Hadaпk. *Mundarten der Zāza*. Berlin, 1932, SS. 32—33, 284); *sūng* «гриб»—арм. диал. *sung* (Hēvi, 119); *xōz/xōs* «свинья»—арм. *hoz* (E. Benveniste. *Noms d'animaux en Indo-européen*.—BSL, 45/1, p. 87); *zāyik* «вид съедобной травы»—арм. *caγik*; *zīl* «побег», «росток»—арм. *sil*; *gōm* «хлеб»—арм. *gom*; *hārs* «невеста»—арм. *hars* (множество других примеров можно найти в материалах уроженца Дерсима Г. Аладжяна, хранящихся в архиве Института археологии и этнографии АН АрмССР: 9. Հայաջրանի ֆոնդ. Դերսիմի աղբյուրային նյութեր, մաս II, էջ 242—244. Материалы Г. Аладжяна содержат ценные сведения о языке и этнографии заза и готовятся нами к печати). В заза засвидетельствован также формант *-bōx/-bōγ*, из арм. *-oγ*, образующий имена деятеля от глагольных основ прошедшего времени, напр. *vāibōx* «говорящий» (Hēvi, 121), *šībōγ* «идущий» (К. Hadaпk. *Op. cit.*, S. 89). Армянское влияние прослеживается и в топонимике, ср. *silpus/seibūz/sulvīs* название священной горы, почитаемой в Дерсима,—арм. *Surb luys* (L. Molylneux-Saeel. *A journey in Dersim*.—GI, 44, 1914, p. 54; 9. Հայաջրանի նյութեր, էջ 292). Об армянском влиянии на язык и культуру заза см., в частности, Троттер. *Малоазийские курды*.—В кн.: *Материалы для описания Батумской области*. Тифлис, 1882, с. 6—7; К. Hadaпk. *Op. cit.*, S. 32—34.

⁸ Подробно см. в нашей работе по истории курдской лексики, подготовленной к публикации.

⁹ Հ. Աճառյան. Հայերեն արմատական բառարան. Կ. Գ. Նրևան, 1977, էջ 112.

¹⁰ К. Hadaпk. *Mundarten der Gūrān, besonders des Kāndū'al, Auramāni und Badschalāni*. Berlin, 1930, S. 243; W. Eilers. *Herd und Feuerstätte in Iran*.—In: *Antiquitates Indogermanicae. Gedenkschrift für H. Güntert*. Innsbruck, 1974, S. 307.

¹¹ *منوچهر لمة ' فرهنگ عامیانه عشایر بویر احمدی و کوهگیلویه ' تهران ۱۳۴۹، ص ۳۷، ۱۴۷.*

¹² К. Hadaпk. *Mundarten der Zāza*, S. 171. Подробно об этом слове в иранских языках см. A. Christensen, K. Barr. *Iranische Dialektaufzeichnungen aus dem Nachlass von F. C. Andreas*. Berlin, 1939, S. 309—310.

¹³ G. Morgenstierne. *Parstan Etymologies*.—In: *Irano-Dardica*. Wiesbaden, 1973, p. 167. Слово *hōx* «пашня, пахота» (*hōx kirīn* «пахать»), из арм. *hoi*, засвидетельствовано в курманджи, однако оно заимствовано позднее (см. К. К. Курдоев).

Единственное достоверное заимствование из армянского, которое можно датировать временем, во всяком случае, ранее XVI в., это слово *gōv/gūv/w* „овчарня, хлев для мелкого и крупного рогатого скота“¹⁴ из арм. *gom* „хлев“ (ср. *gōva razē* „овчарня“, *gōva dawagan* „хлев для крупного скота“). Слово было заимствовано, когда еще действовал фонетический закон перехода иранского интервокального и поствокального *-m* в *v/w*, распространявшийся, естественно, и на инородную лексику; ср. *hav/wīg* „тесто“ из араб. *ḫamīḡ*; *ḫvat* „собрание“ из араб. *ḫamaʿat*; *tawaw* „полный, заверченный“ из араб. *tamām*¹⁵.

Курдско-русский словарь. М., 1960, с. 334). Наряду с *xwalī*, *xōl*, другое исконное обозначение „земли, праха“ в курдских диалектах—*āx* <др-иран. **āika-*; ср. авест. *āi*, парф. *'u'g* (MIM III, 11—12), новоперс. *ḫak* (с протетическим *h-*, как в *ḫāya*). Ср. I. Gershevitch. *Outdoor Terms in Iranian*.—In: *A Locust's Leg*. London, 1962, p. 76—78; H. W. Bailey. *Prolegomena to the Book of Zambasta*. Cambridge, 1967, p. 35; E. Benveniste. *Old Iranian*.—In: *Current Trends in Linguistics*, Vol. 6. The Hague—Paris, 1970, p. 19. Слово *ax* ныне употребляется преимущественно в сочетании *ax ī har(d)* „земля, страна“ (досл. „земля и камень“), а также в обрядовой поэзии и в стилистически возвышенной речи (ср., напр., отрывок молитвы над покойником: *banīyō, zī ax ē šēbyūi, tu ē harī pāv ax ē* „Человече, ты создан из земли (праха) и превратиться в прах“, см. Г. С. Асатрян. О «брате и сестре загробной жизни» в религиозных верованиях езидов.—В кн.: *Страны и народы Ближнего и Среднего Востока*. Вып. 13. Ереван, 1985, с. 264).

¹⁴ См. S. A. Rhea. *Brief Grammar and Vocabulary of the Kurdish Language of the Hakari District*.—JAOS, vol. X, 1872, p. 140; F. Justi. *Les noms d'animaux en Kurde*. Paris, 1878, p. 18; F. Justi. *Kurdische Grammatik*, S. 103; A. Jaba, F. Justi. *Dictionnaire Kurde-Français*. SPb., 1879, p. 370; И. А. Орбели. *Словарь курдского языка области Мокс (рукопись)*; R. F. Jardine. *Bahdīnan Kurmanji*. Baghdad, 1922, p. 55, 80.

¹⁵ Переход **m > v/w*, а также *v/w < *xm*, **šm*, *ç < *š* (в глаголе *šip* „идти“), начальная *k'/k < *x* являются фонетическими изоглоссами, объединяющими все курдские диалекты и отличающими их от других иранских диалектов. По этим признакам и заза, ни гурани, ни тем более луринцы не могут быть стнесены к числу курдских диалектов. Эти критерии впервые были выделены Д. Н. Маккензи (см. D. N. Mackenzie. *The Origins of Kurdish*.—TPhS, 1961, p. 70—72; он же. *Курманджи, курди, гурани*.—НАА, 1963, № 1, с. 163—164). Установление критериев определения и классификации курдской диалектной системы на основе лингвистических признаков (изоглосс) особенно важно при отсутствии релевантных экстралингвистических факторов (государство, единое национальное самосознание, общее духовное наследие, наддиалектная форма языка общения и т. п.) и в условиях многоязычия (соседство с другими близкородственными иранскими языками). Кроме выявленных Д. Н. Маккензи изоглосс, для курдской диалектной системы, как нам кажется, релевантен и переход др.-иран. интервокального **š* в *h*; ср. курманджи *duh*, сулеймани *dwēnē < *dauša-* „вчера“; курм. *guh*, сул. *gwē < *gauša-* „ухо“; курм. *t'ihp/t'in*, сул. *tīpī* „жажда“, авест. *taršna*; курм. *rahpī* „пятка“, авест. *rāšna-*, согд. *ršp'*, ср.-перс. *rāšnak*; ср., однако, заза *gos/š*, гурани *gōš*, перс. *gōš* „ухо“; гур. *tašna*, заза *tēušan*, перс. *tašna* „жажда“; заза *rapušna*, *rāšna*, перс. *rāšna* „пятка“ и т. д. В. А. Лившиц, однако (в маргиналиях к настоящей статье), по этому поводу отметил: „Я вижу тут просто утрату *-š-* в группах **-šp-*, **-ršp-* и позднее факультативное вставное *-h-* (с альтернативой *-Ø-/-h-*), появляющееся и в аудите; думаю, что это *-h-*—не из *-š-*, что *-š-* дает просто *Ø* (как в хорезмийском)“. В любом случае переход *-š-* в *-h-* или *Ø* можно считать релевантным для характеристики курдского диалектного массива.

Время действия указанного фонетического закона с точностью определить нельзя. Можно лишь утверждать, что он еще действовал в первые века второго тысячелетия нашей эры, о чем свидетельствуют вышеприведенные арабские слова, попавшие в курдский приблизительно в этот период—период наиболее интенсивных курдско-арабских взаимоотношений. К этому времени на заре армяно-курдских контактов и относится, вероятно, заимствование слова *gōv* из арм. *gōp*¹⁶. Слово зафиксировано в южной группе курманджийских диалектов, или, по терминологии Д. Н. Маккензи, в северо-восточных диалектах, т. е. в диалектах Хаккари, Бахдинана и Мокса. Это те области, через которые курды проникли в Армению и где, по-видимому, осуществились первые курдо-армянские контакты. Не удивительно, что именно в этих районах сохранилось слово, являющееся архаизмом даже для указанных диалектов. В других же курманджийских диалектах выступает синонимичное слово *gōp*, заимствованное из той же армянской формы *gōp*, но уже после действия закона перехода *m > v*. Оно проникло и в те диалекты, где отмечена форма *gov*. Вариантность *gōv/gōp*, существующая там по сей день, будет, по всей вероятности, преодолена в пользу второй формы.

Слово *gōv/m* может служить лексической изоглоссой, объединяющей все северокурдские диалекты; в южных оно отсутствует¹⁷.

Для заза, помимо прочего, отличительным от курдского признаком может служить образование инфинитива на *-iš* (<*-lšn*), которое не отмечается, по-видимому, в других иранских языках; ср. *vatiš* „говорить“, *waštiš* „требовать, просить“, *šayiš* „идти“ и т. д. (см. A. Christensen. *Nouvelles recherches sur les dialectes iraniens*.—*Acta Orientalia*, XII, p. 113; E. Benveniste. *Les Infinitifs avestiques*, Paris, 1935, p. 105; Г. С. Асатрян. Отглагольные имена в среднеперсидском и парфянском (автореферат канд. дисс.). Л., 1983, с. 13. Можно предложить и лексические критерии, напр.: слово *šir* „молоко“ (<**xšira-*) в подлинно курдских диалектах, в отличие от *šit/šut* (<**xšwipta-*) в заза и гуранн, и т. п.

Классификация курдских диалектов Д. Н. Маккензи, несмотря на отдельные неудачные попытки ее опровергнуть (напр.: М. Хамоян. К истории изучения заза.—В кн.: Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя восточных языков. Самарканд, 1972, с. 69—82, особенно 74—75), в советской академической иранистике общепринята; ср. работы В. И. Абаева, И. М. Оранского, Дж. И. Эдельман, Р. Л. Цаболова и др.

¹⁶ Арм. *gōp* восходит к и.-е. **ghom-*; ср. дат. *gamme* „овчария“, швед. диал. *gamše* „ясля“ и т. д., см. J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959, S. 452; Э. Убшпюль. *Հայերեն արմատիկ բառերի և. 1, Երեւան, 1971, էջ 574—575*. Слово засвидетельствовано в армянском и в германских языках.

В конечном счете из армянского идет через грузинский (ср. *gop*, *gopig* «хлев») осетинское *gop*, *gop* «отделение амбара; хлев» (ОРНС, с. 397—398). Иначе см. ИЭСОЯ, с. 523—524.

¹⁷ Можно ли рассматривать и курм. *k'ūr* „глубокий“ как древнее заимствование из арм. *hog tǰ*. (см. F. Justi. *Kurdische Grammatik*, S. 103), проникшее в курдский в период действия закона перехода общепр. начального *x в *k/k'* (см. выше примеч. 15)? Неясно здесь соответствие в вокализме: курм. *ū*, прослеживаемое (в слове *k'ūr*) во всех диалектах, при арм. *o*. Ср. однако, др.-инд. *kūṛā* „ручей, ров“ (<и. е. **kul-* „пустой, полый“) — KEWA1, S. 243; сюда же манихейск. ср.-перс. *kwl* „яма, впадина“? — W. B. Henning. *A List of Middle Persian and Parthian words*.—BSOS, 1937, vol. 9, p. 84. Ср. также парачи *kūr* „пещера“; кирги *уңцелье*, овраг — ИФЛ, 265, 267; пашай *khōl tǰ*., панджаби *khōl* „пустота, впадина, углубление“ (другие ипдоарийские формы см. CDIAL, p. 209—210, № 3943). Приведенная

К ранним заимствованиям из армянского относятся еще два слова—названия христианских реалий, датируемые документально периодом XV—XVII вв.:

1) Слово хăĉ/ĉ «крест». Оно зафиксировано впервые в отрывке монофизитской литургической молитвы «Святой боже» в рукописи XV в. (см. примеч. 4); ср. восстановленный Д. Н. Маккензи текст: *Pakîž xudê, pakîž zahm, pakîž vêtarg, kôu hatî xaĉê iz kir ma, raĥmatê ma*¹⁸. Вторсы раз это слово встречается в тексте поэмы Факи Тайрана, курдского поэта конца XVI—начала XVII вв.:¹⁹

صوفيان بردان طوافی   خاچ حبینی دل کتی
«Суфии стали совершать таваф, [и тут] в сердце [девушки], поклоняющейся кресту, запала любовь к шейху»²⁰.

Слово хăĉ/ĉ имеет общекурдский характер, оно является единственным обозначением «креста» во всех курдских диалектах, обладая вместе с тем богатой деривационной способностью; ср. хăĉr'agêz «христианин (досл. „почитатель креста“), хăĉh'abîp тж., хăĉwaġî (южнокурд. форма) „крест-накрест“, хăĉarê „перекресток“ и т. п. Сочетание *kavîgê xaĉê* „хачкар (крестный камень)“ отмечено в Моксе²¹; ср. также хăĉ kirîn „скрещивать“, хăĉ bûn „скрещиваться“²².

2) Слово کنگوخ *k'ingōx* „ряса, клобук“²³. Отсутствует в имеющихся словарях. Оно было впервые отмечено нами в устном варианте поэмы Факи Тайрана, записанном в 1961 г. М. Б. Руденко от курдов Закавказья:

Aw dibêza şex Attara: „Bi k'ingōxā, bi zuppaġa
Hûn vagarîn, ži mîra bîlîn sêx Sada'puayê kalal“
Так сказал шейх Аттар: «[Будь он хоть] в рясе или с зульнар-ом—ступайте и приведите ко мне старого шейха Саданийя» (ШС, 149, 156).

В изданной же М. Б. Руденко рукописи, положенной в основу критического текста, интересующего нас слова не оказалось. Внимательный

там же форма хог *deer, hollow, depth* из языка армянских и европейских цыган заимствована, по-видимому, из армянского, см. Հ. Աճառյան. Եզ. աշխ., հ. 2, Երևան, 1973, էջ 405.

¹⁸ D. N. Mackenzie. „The Language of the Medians“, p. 355.

¹⁹ О нем см. D. N. Mackenzie. *Mala-ê Jizri and Faqi Tayran*, p. 129.

²⁰ Факи Тейран. Шейх Сан'ан. Критический текст, перевод, примечания и предисловие М. Б. Руденко (далее ШС). М., 1965, с. 61, 135.

²¹ И. А. Орбели. Указ. соч.

²² Арм. хăĉ „крест“ проникло почти во все сопредельные языки—в персидский, турецкий, удинский, татский; см. Н. Н. Бсбсчман. *Armenische Grammatik*. Bd 1, Leipzig, 1897, S. 158; В. С. Миллер. Татские этюды. Ч. 1. М., 1905, с. 72; Հ. Աճառյան. Հայերեն արմատական բառարան. հ. II, Երևան, 1973, էջ 334—335.

²³ Из арм. *knguġ*, диал. *k'nguġ, kngōġ* и т. д. „ряса отшельника или большой головной убор“—Հ. Աճառյան. Եզ. աշխ., հ. II, էջ 606—607. Армянское слово заимствовано из греч. *κουκούλλιον* „клобук“, которое в свою очередь восходит к лат. *cucullus, cucullio, cuculla* „капюшон, клобук“; см. Н. Н. Бсбсчман. *Op. cit.*, S. 358.

просмотр текста показал, однако, что оно засвидетельствовано и в литературном варианте поэмы Ф. Таирана, но не распознано, к сожалению, издателем. Так, в четверостишии 288 (ШС, 134) после описания прихода Аттара с 500 приверженцами шейха Сан'ана к шейху (который уже несколько месяцев пробыл у христианки и отрекся от своей веры, надев зуннар и паяса свиной) говорится о том, что Сан'ан, услышав вдруг голоса людей и звуки саза, приближается к толпе суфиев и (далее в тексте читаем):

بوهيژ بکنکو [به] زبار خودان ژ شرمان فی کتی

В переводе М. Б. Руденко: «сам шейх..., на нем был зуннар, от стыда покрылся он испариной» (ШС, 60). В тексте, как можно заметить, добавлено [به], а слово *کنکو* оставлено издателем без перевода. Между тем рукописи В и С (о них см. ШС, 14) дают правильный вариант чтения, с учетом которого получается:

بوهيژ بکنکوخورنار خودان ژ شرمان فی کتی

«[Оттого, что шейх] был еще в рясе и на нем был зуннар, от стыда покрылся он испариной». В данном случае *کنکو* наряду с *زبار* (<араб. *زبار*; <греч. *ζωνάριον* „эпитрахиль“), выступает как атрибут христианского священника (христианина).

4. Итак, наши материалы позволяют говорить с достоверностью лишь о трех сравнительно ранних армянских заимствованиях в курдском, из которых одно можно датировать приблизительно первыми веками второго тысячелетия нашей эры—временем первых армяно-курдских контактов, а два остальных XV—XVII веками; при этом последние обозначают сугубо христианские реалии. Основной же фонд армянских заимствований в курдском, как уже было сказано, более позднего происхождения, т. е. относится ко времени после XVI—XVII вв., когда проникновение курдов в Армению стало носить массовый характер.

Крайняя скудость ранних арменизмов в курдском может служить негативным свидетельством, своего рода *argumentum ex silentio*, подкрепляющим исторический факт (см. 1), что начало XVI в. является *terminus ante quem* поп для армяно-курдских взаимоотношений, иначе говоря, для массового проникновения курдов в Армению. Ранние контакты, таким образом, носили лишь спорадический характер.

СОКРАЩЕНИЯ

- ИЭСОЯ—В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1, М.—Л., 1958
 НАА—Народы Азии и Африки (Москва)
 ОРНС—В. Ф. Миллер. Осетинско-русско-осетинский словарь, т. 1, Л., 1927
 BSL—Bulletin de la Société de Linguistique de Paris
 BSO(A)S—Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies (London)
 CDIAL—R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. Fasc. III, London, 1963
 GJ—Geographical Journal (London)
 Hêvi—Hêvi. Kovara çandîya giştî, hejmar 1, îlon. Paris, 1983
 IIFL—G. Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. 1: Parachi and Ormuri. Oslo, 1929

- .JAOS—Journal of the American Oriental Society (New Haven)
 KEWAJ—M. M a y r h o f e r. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I, Heidelberg, 1956
 MIM III—F. C. A n d r e a s, W. B. H e n n i n g. Mittelfranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan.—Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl., Berlin, 1934
 TPhS—Transactions of the Philological Society (London). ZMG

ՎԱՂ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՓՈՒԱՌՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ ՔՐԴԵՐԵՆՈՒՄ

Գ. Ս. ԱՍԱՏՐՅԱՆ

Ա մ ֆ ա ֆ ու մ

Հանրահայտ է այն փաստը, որ ընայած քրդերի առաջին շփումները հայերի հետ տեղի են ունեցել դեռևս X—XI դդ., սակայն նրանց զանգվածային ներթափանցումը Հայկական լեռնաշխարհ սկսվեց շատ ավելի ուշ՝ XVI դարի սկզբներից և կապված էր հիմնականում սուլթանական դրածո Մուլա Իդրիսի բուռն զործունեության հետ, որը փաստորեն հիմք դրեց Հայաստանը քրդական ցեղերով բնակեցնելու քաղաքականությանը: Այս պատմական փաստը հաստատում են նաև լեզվաբանական տվյալները: Քրդերենի հյուսիսային բարբառներում (կուրմանշիում) մենք վեր ենք հանել մեծ քանակությամբ հայկական փոխառություններ, որոնք գլխավորապես ուշ ծագում ունեն. հին փոխառություններ, որոնց առկայությունը, անշուշտ, պետք էր ենթադրել վաղ շփումների դեպքում, շին ավանդված: Բացառություն են կազմում Լրևբ բառ՝ ցօՎ (<հյ. գոմ), որի փոխառումը կարելի է թվագրել XI—XII դդ., ելնելով պատմական հնչյունաբանության տվյալներից, և՛ xac և k'ingox, որոնք թվագրվում են XV—XVII դդ.: Ընդ որում, վերջինները հանդիսանում են զուտ քրիստոնեական իրակույթների (ոնալիա, անվանումներ և նրանց առկայությունը քրդերենում կարող է նաև անմիջական սերտ շփումների արդյունք չլինել: Ինչ վերաբերում է ցօՎ բառին, ապա այն ավանդված է կուրմանշիի բարբառների հարավային խմբում (Հաքքարիում, Բահդինանում և Մոկսում), այսինքն՝ այն տարածքներում, որտեղ տեղի են ունեցել քուրդ-հայկական առաջին շփումները: Ընդ որում, պետք է նշել, որ այդ բառը նույնիսկ հիշյալ բարբառների համար հանդիսանում է որպես բառային արխաիզմ՝ զուգահեռ օգտագործվելով ավելի ուշ հայերեն նույն բառից փոխառված ցօՄ ձևի հետ, որը համատարած է այժմ կուրմանշիի բոլոր բարբառներում: Այսպիսով, լեզվական տվյալները՝ թիկ սուղ, սակայն որոշակիորեն ամրապնդում են պատմությանը հայտնի իրողությունը: